

А. А. Шевлягин

Культурная инклюзия в музее

В современных реалиях музей является механизмом многоуровневого активного воздействия на социум и его элементы. Отдельные группы людей, отличающиеся этнической, религиозной принадлежностью, возможностями здоровья, обладают собственными ценностными установками и потребностями в самоидентификации. Осознание и признание их наличия позволяют рассматривать подгруппы общества как самостоятельные культуры, которые посредством музея могут быть включены в единое культурное пространство. Этот процесс отличается от социальной инклюзии, поэтому для работы с этим феноменом и развития новых музейных научно-практических подходов предлагается ввести в музеологический контекст понятие «культурной инклюзии» и дается его толкование. Обоснование этого шага производится с привлечением исследований по психологии, социологии, философии, музейному делу ввиду междисциплинарного характера вопроса. Большое значение культурной инклюзии в отношении людей с инвалидностью подчеркивается сравнительным анализом масштабных музейных акций «Ночь в музее» и «День инклюзии».

Ключевые слова: музей, инклюзия, культура, культурная идентичность, социокультурное пространство, ограниченные возможности здоровья, особые потребности

Arsenii A. Shevlyagin

Cultural inclusion in museum

In modern realities, the museum is a mechanism of multi-level active influence on society and its elements. Separate groups of people differing in ethnicity, religion or health opportunities have their own values and needs for self-identification. Awareness and recognition of their presence allow us to consider subgroups of society as independent cultures that can be incorporated into a single cultural space by a museum. This process differs from social inclusion, therefore, to work with this phenomenon and develop new museum scientific and practical approaches, it is proposed to introduce the concept of «cultural inclusion» into the museological context and give its interpretation. The rationale for this step is made with the involvement of research on psychology, sociology, philosophy, museum studies in view of the interdisciplinary nature of the issue. The great importance of cultural inclusion in relation to people with disabilities is emphasized by the comparative analysis of large-scale museum events «Night at the Museum» and «Day of Inclusion».

Keywords: museum, inclusion, culture, cultural identity, socio-cultural space, limited health abilities, special needs

DOI 10.30725/2619-0303-2019-1-145-149

Ориентация музея на ценностные установки современного общества диктует ему поиск новых научных концепций, позволяющих активно включаться в социальные процессы. Сегодня музей заинтересован в расширении аудитории, с которой работает: в поле его деятельности попадают все более разнообразные группы населения, отличающиеся возрастом, социальным положением, физическими возможностями, психическим состоянием, мотивацией и другими характеристиками [1, с. 11]. Это связано с все возрастающей социальной значимостью музея, который является связующим звеном между обществом и его разобщенными частями.

Будучи одним из возможных механизмов влияния на социум, на его отдельные группы и на индивида, музей имеет потенциал для создания поликультурной среды через воспитание толерантности, сглаживание социальных противоречий, повышение общекультурного

уровня [2, р. 45]. Это способствует положительным изменениям социума, без чего невозможна инклюзия. В основе ее идеологии лежит представление об обществе, предполагающее значительную модификацию как его самого, так и его институтов таким образом, чтобы они способствовали включению человека, отличающегося расой, вероисповеданием, или человека с особыми потребностями.

Однако музей нужно рассматривать не только как социальный агент, что делал в своих работах исследователь Ричард Сандэлл, но как проводник в мир культуры, который должен помочь индивиду или социальной группе уже как культурному элементу стать частью современного социокультурного пространства. Помимо этого, музей через соприкосновение с художественными коллекциями и историей дает человеку возможность принять общую культуру и сделать ее частью своей собственной. В связи с этим

возникает проблема «культурной инклюзии», существование которой обществу необходимо осознать. Этот вопрос особенно остро стоит в ряду гуманитарных проблем современности в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ). Однако четкого представления об инклюзии в культурной сфере нет, так же как нет и сформулированного термина «культурная инклюзия», который отражал бы всю глубину и сложность процесса культурного единения. При этом сегодня в разном контексте употребляется словосочетание «инклюзия в музее», по-видимому, являющееся частным случаем более общего культурного феномена. Поэтому для адекватного ведения музейной деятельности и разграничения разных аспектов инклюзии, нам видится необходимым введение понятия «культурная инклюзия» в проблемное поле музеологии и дальнейшая его разработка. Нам представляется, что говорить об этом явлении имеет смысл, учитывая потребности посетителя, поскольку это необходимо для анализа механизма совершенствования музея и понимания, как именно инклюзия в нем должна и может осуществляться. Следовательно, проблема изучения и реализации культурной инклюзии является актуальной и носит музеологический характер, а не узко практико-ориентированный.

Несмотря на многообразие категорий людей, приходящих в музей, в рамках данной работы ограничимся лишь обращением к группе посетителей с особыми потребностями. Этот выбор продиктован, в первую очередь, социальной значимостью проблемы, что подчеркивается и государственной политикой. В 2006 г. мировое сообщество приняло конвенцию о правах инвалидов, утверждающую право инвалидов на участие в социокультурной жизни, что привело к возникновению нового витка общественных взаимоотношений. Эту конвенцию подписала и Российская Федерация, где на сегодняшний день большое внимание уделяется социальной поддержке людей с инвалидностью и решению проблемы физической и когнитивной доступности. Катализатором для новых социально ориентированных практик и экспериментов в социальных институтах, в том числе музеях, стала правительственная программа «Доступная среда», действие которой ввиду ее актуальности было продлено до 2020 г.

Комплексное осознание музейной деятельности в современном социокультурном контексте в силу сложившихся традиций тяготеет к полидисциплинарному анализу. Культурологический подход позволяет считать систему исторически сформированного культурного многообразия источником для отыскания

форм и методов жизнедеятельности, соответствующих нуждам лиц с инвалидизирующими заболеваниями [3, с. 76]. Рассуждения о культуре неотделимы от методики исследования ее структуры, от ее философского понимания. При работе с новой аудиторией музея нужно тщательно изучить психологический портрет аудитории, мотивацию музейного посетителя и способы анализа его потребностей, для чего требуется подход на основе синтеза психологии и социологии. Отталкиваясь от интересов различных слоев социума, музей, в функцию которого входит накапливать и транслировать культурный опыт, превращается в один из способов социокультурной адаптации, поэтому важно учитывать исследование роли музея в этом явлении. Теоретизация понятий, связанных с инклюзией в широком смысле слова, невозможна и без учета уже существующих концепций инвалидности, которые прошли путь от традиционной медицинской, или сегрегационной модели, предполагающей исключение людей с ОВЗ из взаимодействий с обществом, до современной социальной, или инклюзивной.

Относительно многих европейских стран Россия имеет еще не очень богатый опыт инклюзивных начинаний, в том числе в образовании, но именно с образования начинается формирование толерантного и открытого сознания, необходимого для создания инклюзивного общества [4, с. 41]. Поэтому в этой сфере на сегодняшний день российскими педагогами и психологами написано много теоретических работ. Идеи инклюзивного образования могут быть трансформированы и переложены на инклюзию в культуре. Так тезис инклюзивного образования, обозначенный в статье норвежского эксперта в области специальной педагогики Г. Иттерстад, можно экстраполировать на музейную реальность: положительный отклик от диалога с музеем для посетителя с ОВЗ полностью зависит от того, как в музее налажен контакт с обычным посетителем. Чем выше качество работы с музейной аудиторией в целом, тем больше от него могут выиграть все и тем меньше потребность в принятии специальных музейных «мер» по отношению к людям с ОВЗ. Следовательно, перво-степенная задача музея – добиться максимально высокого уровня взаимодействия с посетителем [5, с. 3].

Оно складывается из многих составляющих, в том числе из соответствия музея ожиданиям посетителей в удовлетворении своих потребностей в познании, комфорте, участии в музейных мероприятиях (выставках, фестивалях и других формах музейной работы). Одним из факторов, работающих на повышение этого уровня, яв-

ляется универсальный дизайн. Призванный сделать среду учреждения более доступной для инвалидов с помощью многофункциональных нововведений, он позволяет сформировать пространство, подходящее любому потребителю без учета возраста и его физических способностей [6, с. 137]. По мнению исследователя И. Н. Дониной, универсальный дизайн, информированность посетителя и многогранное взаимодействие с ним, профессионализм сотрудников, адаптация программ являются неотъемлемыми компонентами инклюзии в социокультурном учреждении.

В инклюзивном обществе все должны быть равны не только в плане возможностей, но и в смысле взаимоуважения и отношения к другим [7, с. 153]. К сожалению, стереотипное, полное предрассудков представление о том, каким должен быть конкретный тип индивида, порождает в социуме особое, часто негативное, отношение к людям с какой-либо отличительной чертой, например с инвалидностью. Хотя они и могут участвовать в социальном взаимодействии, их воспринимают, как неполноценных, наделяют нежелательной особенностью, которую американский социолог Ирвин Гофман называет стигмой [8, р. 14]. Следствием этого процесса стало происходившее в течение долгого времени социальное обособление и маргинализация людей с ОВЗ, в частности в российском обществе [9, с. 47].

По мнению, американской исследовательницы культуры глухих Меган Джонс, социальное обособление является предпосылкой для формирования групп, в которых человек не чувствует своей непохожести по отношению к другим и может обрести собственную личностную идентификацию. Внутри такой группы возникают собственные ценностные установки, особенности поведения, переживания и мысли о своем месте в мире, что дает нам возможность говорить о собственной культуре этих людей внутри общего культурного пространства, или, иначе говоря, о субкультуре [10, с. 168]. При этом мы имеем возможность говорить не о людях с инвалидностью в целом, а учитывать конкретную нетипичность, формируя для каждого свою культурную группу, например, маломобильные группы населения, слабовидящие, глухие и пр.

По замечанию философа А. Н. Ильина, термин «субкультура» может быть применен к любой сфере человеческого бытия, в том числе и социальной [11, с. 23]. Такой же точки зрения придерживается американский ученый Стивен Браун, занимающийся разработкой общей концепцией культуры инвалидности [12, р. 34]. Он также является сооснователем Института куль-

туры инвалидности, который исследует вопросы культурной идентичности людей с особыми потребностями. В отечественной науке аспекту культуры инвалидности в целом не уделено достаточного внимания, но есть отдельные работы по культуре глухих.

Каждая субкультура представляет собой определенный социальный элемент, отличающийся от других своими ценностями и нормами. Люди с особыми возможностями здоровья, как и все люди, причисляют себя к той или иной «избранной» группе и хотят быть достойными ее членами. Им важно ощущать, что их жизненный опыт может быть воспринят другими людьми, которые способны разглядеть в них индивидуальные черты, помимо инвалидности, а то, что с нею связано, воспринимают позитивно [13, р. 54]. Связующей нитью между разными группами населения, а значит, и между разными культурами является музейный досуг как одна из форм досуговой деятельности. Мы подтверждаем нашу культурную идентификацию через выбор досуговой активности, в котором проявляется наша внутренняя мотивация, и участие в ней [14, р. 44].

С учетом вышесказанного попытаемся облечь в словесную форму определение «культурной инклюзии», не претендуя на единственно верное и исчерпывающее толкование. Культурная инклюзия – это такое включение индивида в социально-культурную среду, которое учитывает его физические и когнитивные особенности, отвечает потребностям в культурной самоидентификации и мировосприятии, и обеспечивает уважительное отношение к представителям разных культурных групп, формируя среди них равноправие. Достигается культурная инклюзия посредством преодоления культурным учреждением психологических барьеров со стороны сотрудников по отношению к посетителю, который отличается от остальных в представлении среднестатистического человека; создания доступных условий для посещения, включающих адаптацию и разработку программ; информирования потенциальных посетителей о существующих возможностях через всесторонние каналы связи. Тогда с учетом выше сказанного учреждения, способные осуществить культурную инклюзию, являются инклюзивными. Такое определение предполагает работу с любыми категориями посетителей, а не только с инвалидами, хотя обычно под инклюзией в России имеется в виду работа именно с последней группой.

Воплощение в жизнь культурной инклюзии в отношении людей с инвалидностью является длительным и многоступенчатым процессом,

который требует как решения методических, так и организационных вопросов. Многие музеи сегодня внедряют в свою работу новые концептуальные подходы и технические элементы. Ярким примером в отечественной практике является музей современного искусства «Гараж» в Москве, где был создан первый в России отдел инклюзивных программ. В Музее истории религии в Санкт-Петербурге на основе отдела образовательных программ и музейной педагогики был создан Центр музейной инклюзии [15, с. 31], где реализуются программы для слабовидящих и незрячих, для людей с нарушением слуха. Среди музеев, которые на данном этапе активно занимаются созданием инклюзивной среды, ГМИИ имени А. С. Пушкина, Государственный Дарвиновский музей, Государственный Русский музей и др.

Обо всех возможностях в отношении людей с особыми потребностями, музей должен информировать через разные каналы связи: во-первых, через собственный сайт и социальные сети. Примерами грамотного информирования в этом отношении является сайт Государственного Эрмитажа, где существует отдельный раздел «Посетителям с ограниченной мобильностью», в котором четко обозначено, где и какие технические приспособления имеются для особых посетителей, какие разработаны маршруты и программы. Постепенно такую модернизацию сайтов проводят и другие музеи. Во-вторых, необходимо активное сотрудничество музея с социальными центрами и образовательными учреждениями, в том числе и коррекционными, имеющимися в данном городе [16, с. 100]. Немаловажную роль в привлечении посетителей, включая и лиц с инвалидностью, играет тот факт, что музейные учреждения подключаются к социально ориентированным мероприятиям. Одним из них является социальный проект «Инклюзивный музей», задача которого совершенствовать лучшие реабилитационно-творческие практики и деятельность по социализации в музее. Целевую аудиторию проекта в первую очередь составляют дети, поскольку по данным федеральной службы статистики в России на 2018 г. проживает 12,11 млн человек с инвалидностью, из которых 655 000 детей [17].

Впервые 2 декабря 2017 г., накануне Международного дня инвалидов, более 250 музеев участвовали во всероссийской акции «Музей для всех! День инклюзии». Целесообразно на наш взгляд сравнить эту акцию с другой общественной значимой акцией всероссийского масштаба «Ночь музеев», в которой также участие может принять любое учреждение культуры практически без ограничений. Ограничимся рассмо-

тением двух параметров: территориальной распространенностью и числом участников. В рамках «Ночи музеев» в 2017 г. всего по стране было задействовано около 2000 культурных площадок: музеев, галерей, библиотек, культурно-просветительских и культурно-информационных центров. Число участников в разных городах варьировалось от нескольких единиц до сотни и более в крупных городах, таких как Санкт-Петербург, Москва, Екатеринбург. В количественном отношении суммарно по участвующим учреждениям культуры «Ночь музеев» лидирует с большим отрывом. Однако не стоит забывать о том, что мы сравниваем ежегодное, уже ставшее традиционным, и пока что разовое мероприятие. К тому же степень вовлеченности культурных учреждений в акцию «Ночь музеев» увеличивалась со временем. Для примера, в Санкт-Петербурге, число участников за 10 лет достигло отметки с 33 до 118, что свидетельствует о возросшей популярности акции. По географическому охвату молодой социально-значимый проект не уступает своему «оппоненту»: за рассматриваемый год в рамках названных акций мероприятия проходили более чем в 150 городах нашей страны, рассредоточенных по всей ее территории. Этот факт подчеркивает насущность проблемы инклюзии в музейном сообществе и отражает стремление музейных учреждений к скорейшему ее разрешению.

В связи с этим, а также с социальной значимостью становления музея как инклюзивного института, в случае повторного проведения инклюзивной акции можно ожидать роста участвующих в ней учреждений культуры. На наш взгляд проведение подобных акций и реализация проектов являются показателем того, что общество постепенно движется в направлении создания инклюзивной культурной среды и перехода к той своей форме, о которой можно сказать, перефразировав К. Маркса, что она уже не состоит из отдельных культур, «а выражает сумму тех связей и отношений» [18, с. 214], в которых эти культуры находят друг к другу.

Таким образом, изменение социума и переосмысление места человека в нем приводят к появлению в учреждениях культуры антропоцентричных практик. Расширить их диапазон может научный подход, основанный на изучении феномена культурной инклюзии. Определение культурных и идентификационных потребностей разных групп людей позволит выделить новые категории посетителей. Как следствие это может способствовать удовлетворению как новых запросов общества, так и ожиданий отдельно взятого посетителя.

Список литературы

1. Шляхтина Л. М. Социальные практики современного музея: границы доступности // *Вопр. музеологии*. 2014. № 2 (10). С. 10–15.
2. Sandel R. Social inclusion, the museum and the dynamics of sectoral change // *Museum & society*. 2003. № 1 (1). P. 45–62.
3. Шеманов А. Ю., Попова Н. Т. Инклюзия в культурологической перспективе // *Психол. наука и образование*. 2011. № 1. С. 74–82.
4. Ореховская Н. А. Инклюзия – путь к толерантности и равным возможностям // *Человек. Общество. Инклюзия*. 2015. № 4 (24). С. 38–42.
5. Иттерстад Г. Инклюзия – что означает это понятие, и с какими проблемами сталкивается норвежская школа, претворяя его в жизнь? // *Психол. наука и образование*. 2011. № 3. С. 41–49.
6. Донина И. Н. Универсальный дизайн в социокультурной адаптации «особых» посетителей музейными средствами // *Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена*. 2014. № 166. С. 133–143.
7. Афонькина Ю. А. Социальная инклюзия лиц с инвалидностью и проблема человеческого достоинства // *Соврем. исслед. социал. проблем*. 2015. № 11 (55). С. 149–162. URL: <http://journal-s.org> (дата обращения: 28.02.2019).
8. Goffman E. *Stigma: notes on the management of spoiled identity*. London: Penguin, 1990. 176 p.
9. Райдугин Д. С., Мамедзаде Н. К. Проблема инклюзии лиц с инвалидностью в социокультурном измерении // *Человек. Общество. Инклюзия*. 2015. № 4 (24). С. 47–51.
10. Волкова В. В. Типология субкультур общества: критерии и подходы // *Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова*. 2013. № 6. С. 166–168.
11. Ильин А. Н. Массовая культура современной России как совокупность субкультур // *Среднерус. вестн. обществ. наук*. 2009. № 1. С. 21–26.
12. Brown S. E. What is disability culture? // *Disability studies quarterly*. 2002. Vol. 22, № 2. P. 34–50.
13. Jones M. A. Deafness as culture: a psychosocial perspective // *Disability Studies quarterly*. 2002. Vol. 22, № 2. P. 51–60.
14. Falk J. H. *Identity and the museum visitor experience*. New York: Routledge, 2016. 301 p.
15. Донина И. Н. Центр инклюзии // *Музей*. 2017. № 3. С. 31–34.
16. Булгакова В. В. Теоретические и методологические аспекты социокультурной интеграции инвалидов в музейной среде // *Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств*. 2015. № 30. С. 96–106.
17. Положение инвалидов // *Федеральная служба государственной статистики*. URL: <http://gks.ru> (дата обращения: 28.02.2019).
18. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Москва: Изд-во полит. лит. 1968. Т. 46, ч. 1. 476 с.

References

1. Shlyakhtina L. M. Social practices of contemporary museum: boundaries of accessibility. *Voprosy muzeologii*. 2014. 2 (10), 10–15 (in Russ.).
2. Sandel R. Social inclusion, the museum and the dynamics of sectoral change. *Museum & society*. 2003. 1 (1), 45–62.
3. Shemanov A. Yu., Popova N. T. Inclusion in culturological perspective. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2011. 1, 74–82 (in Russ.).
4. Orekhovskaya N. A. Inclusion – way to tolerance and equal opportunities. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya*. 2015. 4 (24), 38–42 (in Russ.).
5. Itterstad G. What is really meant by unclusion: teacher’s point of view. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2011. 3, 41–49 (in Russ.).
6. Donina I. N. A Universal design in socio-cultural adaptation of special visitors by museum resources. *Izvestiya of Herzen State Ped. Univ*. 2014. 166, 133–143 (in Russ.).
7. Afonkina Yu. A. Social inclusion of people with disabilities and problem of human dignity. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2015. 11 (55), 149–162. URL: <http://journal-s.org> (accessed: Febr. 28. 2019) (in Russ.).
8. Goffman E. *Stigma: notes on the management of spoiled identity*. London: Penguin, 1990. 176.
9. Raydugin D. S., Mamedzade N. K. Problem of inclusion of persons with disabilities in social and cultural dimension. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya*. 2015. 4 (24), 47–51 (in Russ.).
10. Volkova V. V. Typology of society subcultures: criteria and approaches. *Vestn. of Nekrasov Kostroma State Univ*. 2013. 6, 166–168 (in Russ.).
11. Il'in A. N. Mass culture of modern Russia as complex of subcultures. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 2009. 1, 21–26 (in Russ.).
12. Brown S. E. What is disability culture? *Disability studies quarterly*. 2002. 22 (2), 34–50.
13. Jones M. A. Deafness as culture: a psychosocial perspective. *Disability studies quarterly*. 2002. 22 (2), 51–60.
14. Falk J. H. *Identity and the museum visitor experience*. New York: Routledge, 2016. 301.
15. Donina I. N. Center for inclusion. *Museum*. 2017. 3, 31–34 (in Russ.).
16. Bulgakova V. V. Theoretical and methodological aspects of sociocultural integration of disabled people in museum environment. *Vestn. of Kemerovo State Univ. of Culture and Arts*. 2015. 30, 96–106 (in Russ.).
17. Condition of disabled persons. *Federal State Statistics Service*. URL: <http://gks.ru> (accessed: Febr. 28. 2019) (in Russ.).
18. Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Moscow: Polit. lit. state publ. house, 1968. 46 (1), 476 (in Russ.).